Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Из цикла «В отцы годится» №7: Сашка и Флейтист

Флейтист шел по тротуару. Просто шел. Гулял.

Ясное дело, он нечасто это делал. Даже и не вспомнить, когда в последний раз. Когда деревья были большими. Но так уж вышло. Октябрь такой выпал — так и норовит все скособочить набекрень. И Флейтист отставил дела, которые не отставлялись уже многие годы, и просто гулял, как простые прохожие, по простой осенней улице, сверкавшей всеми оттенками багрянца и меди.

Мимо шли люди — обыкновенные, молодые и старые, толстые и тонкие. Хмурые, бесцветные, будто золотая осень мешала им мчаться, сдвинув брови, по своим делам.

Какой контраст, думал Флейтист, щурясь на солнце. Оно, не спросясь, приоткрыло у него в голове какую-то заслонку, и туда хлынули мысли, которым раньше это никак не полагалось. Флейтист морщился и кривил губы...

И тут мимо прошла Она.

Это длилось секунд семь, от силы десять — пока Она шла навстречу Флейтисту, поднявшему глаза на дорогу, с каким-то знакомым мужиком... К черту мужика!

Каблуки незнакомки уже цокали за спиной, а Флейтист все стоял, не оборачиваясь. Потом хмыкнул и обернулся.

По медно-золотому коридору удалялись две фигуры: обычная — и воздушная, невесомая, как снопы солнечных лучей.

Забавно...

То ли день какой-то особенный, то ли всему виной солнце, которое старается раскрасить серых людей своим золотом, и все насмарку, и только одно лицо сияет ему в ответ, как маленький солнечный зайчик...

Это было непростое лицо. Флейтист понимал, что встретил редкого зверя — живую естественную красоту.

Но дело было даже и не в этом. Он видел сотни красоток, и не только видел, а и щупал, и проделывал с ними много разных занятных штук. Но эта успела за семь секунд уколоть его куда-то, где уже саднило от осеннего солнца.

В душе насмехаясь над собой, Флейтист пошел следом за парочкой.

***

Сашка Лукьянова, сколько помнила себя, была обыкновенной озорной девчонкой — не хуже и не лучше других.

Ее внешность не вызывала в ней ни комплексов, ни иллюзий: в классе имелись супер-пупер-красотки, и Сашка никогда не стремилась оспорить их первенство. Она не стригла и не красила волосы, не мучила свое тело пирсингом-татушками, как все начинающие сексбомбы ее школы, а просто жила себе на свете, как живется.

Все изменилось перед последним, выпускным классом. Сашка провела это лето на море — целых два месяца, с июля по сентябрь.

В тот год изменилось многое: ее папа наконец перестал хандрить после маминого ухода и занялся бизнесом. В доме появились деньги. Это было странно, и Сашка шутила, что никак не привыкнет быть дочерью олигарха.

Летом папа шиканул и выкупил для Сашки целый дом в Сочи. Сам он тоже наведывался туда

раз в две-три недели, но в основном Сашка отдыхала одна. (Как-то так сложилось, что в Сашкиной семье не было того квохтанья, которое обычно окружает девочек ее возраста. Они с отцом доверяли друг другу.)

Сашка ни с кем не знакомилась, не тусила по барам, не фланировала с матерящимися мачо под локоток. Она просто часами плавала и жарилась на пляже. У нее была особенная кожа, которая не темнела, а наливалась золотом, как персик на солнце. Длиннючие Сашкины волосы, и так светлые, выгорели отдельными прядями, и в сумерках она казалась седой.

Вначале Сашка не чувствовала никаких изменений. Внутри она оставалась той же Сашкой — диковатой девчонкой, о которой никто не знает, что у нее на уме. Конечно, ее удивляло, что за два месяца пришлось сменить пять купальников. Только-только купила — и уже давит, впивается в тело, как крокодил какой-то. Выкинув четыре штуки, она купила пятый навырост (не купальник, а настоящий гамак) и твердо решила купаться только на нудике. Сашка уже бывала там (ну разве можно удержаться?) Придя в этот раз, она сняла платье — и вдруг поняла, что все смотрят только на нее.

Через неделю «гамак» сидел, как влитой. Это была прямо беда какая-то. Ее нормальный девчачий 2-й с половиной, отросший еще в восьмом классе, вполне устраивал Сашку, но теперь «доилки» (так она их называла) сошли с ума и превратились в самые настоящие Сиськи.

Вслед за купальниками в мусорку полетели платья, лопнувшие за два дня.

— Ты что, эликсир роста выпила, как Маша из мультика? — шутливо хмурился папа. Хорошо, что он теперь был олигарх: за этот отпуск Сашке пришлось полностью обновить летний гардероб.

Взглядов, которые тот украдкой бросал на нее, Сашка не замечала, а рой ухажеров, возникших из ниоткуда, списывала на свои новенькие Сиськи, к которым никак не могла привыкнуть. Но перед возвращением домой отец вызвал ее на разговор.

— Сашуль, — сказал он. — Даже не знаю, как с тобой заговорить об этом.

— Да брось, па, — хихикнула Сашка и швырнула в него колготками. — Будто и так непонятно.

— Что тебе понятно?

— Что ты не зря весь такой торжественный ходишь. У меня будет мачеха, да? Я не буду обливать ее кислотой, па. Я уважаю твой выбор и…

— Нет.

— Что «нет»?

— Не мачеха. Ты вообще дашь родному отцу сказать то, что он хочет?

— Ну прости, прости. Я слушаю, — Сашка в самом деле была заинтригована.

— Сашуль, — снова начал тот. — Эээ… мэээ…

— Ну не томи, па!

— Я не томлю! Эээ… Береги себя, ладно?

— Ты чего? — удивилась Сашка.

— Того. Ты не видишь себя, не знаешь, в кого превратилась.

— В кого? В царевну-лягушку?

— Почти. Ты не замечаешь, ээ… некоторого мужского внимания к себе?

— Ну… замечаю, — признала удивленная Сашка.

— Так вот: это еще цветочки. Ты становишься, дочь моя, в некотором роде… как бы это помягче выразиться… Короче, обычно это называют «незаурядными внешними данными»…

— Я бы не сказала, что получилось короче, — вставила Сашка.
—... и девушки, имеющие эти данные, обычно имеют вместе с ними много проблем.
— Ты хочешь сказать, что я наконец-то перестала быть уродом уродским? — спросила Сашка, разглядывая себя в зеркало.
— Не говори глупостей. Ты никогда не была уродом. Просто... береги себя, ладно? — отец подошел к ней. Таким серьезным Сашка давно его не видела. — Береги, и... ты уже другая, Сашуль. Совсем другая.
— Какая? Клыки до самого носа и пузо набекрень? — попыталась пошутить Сашка.
Прозвучало натянуто, и она смутилась.
***
Папа был прав: в этот год все действительно было по-другому.
К Сашке приставали в аэропортах, в самолете, в метро, в маршрутках и на улице, несмотря на то, что она паковала свои Сиськи в три слоя тряпок (к концу лета сильно похолодало). Она беседовала с ними, как соседка тетя Люша со своими котами: «И нахрена вы мне такие нужны? Толку-то с вас?... « К приставаниям Сашка относилась, как к какому-то розыгрышу, и все не могла поверить, что так теперь будет всегда. Или, по крайней мере, очень долго.
— Побриться, что ли, налысо, — шутливо жаловалась она папе. — Или перекраситься в зеленый цвет?
— Если ты так сделаешь, я застрелюсь, — очень серьезно отвечал папа, и Сашка бодала его макушкой, как маленькая.
В школе было еще интересней. Сашка могла поклясться, что не делала ничего, ну прямо-таки ничего нового. Первые дни казалось, что все по-прежнему — ну, если не считать девчоночьих ахов по поводу ее новых Сисек. Сашка только ловила взгляды и шушуканья пацанов (она уже научилась это делать).
Через две недели было ясно, что в классе произошла невидимая революция. У Сашки не осталось ни одной подруги, а у супер-пупер-красоток — ни одного кавалера. Все донжуаны ее класса гудели возбужденным роем вокруг Сашки. Вначале ее это забавляло, потом стало раздражать, а когда она начала находить у себя в одежде иголки и кусочки дерьма, ей и вовсе стало не до смеха. Она понятия не имела, что со всем этим делать, и растерялась.
— Я предупреждал, — спокойно говорил папа. — Это только цветочки. Привыкай, дочь.
Его новые знакомые — партнеры по бизнесу — вели себя с Сашкой и вовсе непривычно: говорили ей «вы» и купали ее в любезностях, красивых, как их особняки. Сашка не то что бы терялась, но ей казалось неприличным держаться с ними, людьми из Элитного Мира, так же по-смехачески, в стиле «бодливая коза», как она держалась с большинством знакомых. Она принимала любезности, как должное, и старалась подыгрывать, чтобы Элитные Дядьки не подумали про нее, что она менее элитна, чем они. Самое забавное, что Сашка искренне не понимала, как она изменилась — ну, кроме роста и Сисек. Неужели это все они?... Она часами разглядывала себя в зеркале, пытаясь найти отличия Сашки-нынешней от Сашки-обычной.
Но зеркало честно отражало по-детски озабоченную физиономию с наморщенным лбом. И, может быть, потому было так трудно найти эти отличия.
***
Однажды утром в дверь к Лукьяновым позвонили.
Сашка уже проснулась. Папы дома не было. Это ничуть не удивило ее: в новом статусе «олигарха» Лукьянов-старший отсутствовал, бывало, и по ночам.

Воздух был легким и прозрачным. Сквозь занавески пробивались нахальные солнечные зайцы, упираясь Сашке прямо в нос; из форточки пахнУло дымком — фирменный осенний запах, который так обожала Сашка. Воскресенье обещало быть восхитительным!

«Наверно, папка», подумала она, заглядывая в глазок. И удивленно охнула.

— Это я, Артур, Пал Семеныча денщик. Сиятельная Александра, помните меня? — сказал пиджачный дядька, сплющенный линзой в круглый блин.

— Эммм… Помню-помню. Щас, Артур, минутку, я тут немножко не одета, — полуголая Сашка метнулась к шкафу, игнорируя уверения Артура, что это, мол, неважно.

Артур был «денщиком», то есть — секретарем и правой рукой Пал Семеныча Груздищева, большой шишки и папиного знакомца по бизнесу (как точнее опредилить его статус, Сашка не знала).

Натянув футболку и шорты, она впустила Артура, лощеного лысача лет тридцати с гаком.

— Александра… Вааау! Как это у вас получается? — он изобразил крайнее удивление.

— Что?

— Вот так выглядеть? С каждым днем вы все прелестней и прелестней…

— Да вот так вот. Много морковки ем. От нее уровень прелестности повышается в крови. Чай, кофе?..

У Сашки с утра было офигительное настроение, и ей не хотелось строить из себя элитную леди.

— Ну что вы. Это я хотел вас пригласить… передать приглашение от Пал Семеныча. Он приглашает вас к себе.

— Вау! Когда?

— Вот прямо сейчас.

— А… Зачем я ему, вся такая прелестная, понадобилась прямо сейчас?

— Пусть это будет маленьким сюрпризом. Надеюсь, вы не обидите его?

— Эээ…

Это было что-то совсем новенькое. Но в такое утро Сашке и хотелось новенького — сверкающего и красивого, как особняк Пал Семеныча на соседней улице. Рядом был элитный поселок, и так случайно получилось, что Лукьяновы в своей трехкомнатной «сталинке» оказались почти-соседями с несколькими папиными партнерами.

— Эээ… я только папе позвоню, ладно? — Сашка взяла мобильный. Все-таки подобные вещи нужно делать с его ведома…

— Не берет? — спросил Артур.

— Не-а. Отключен. И тот и другой, — недоуменно сказала Сашка. Папа крайне редко отключал телефоны.

— Ну, это и не так важно. Вы же взрослая девушка, Александра… Кстати, с совершеннолетием вас!

— Спасибо. Откуда знаете? — прищурилась Сашка.

— Разведка донесла. Счастья, здоровья, соболя на шею, тигра в постель и козла, который все это будет оплачивать… Вы того стоите, Александра… Ну так как? Пойдем?

— Эээ… Пойдем! — Сашка махнула рукой. — Подождите, я только приоденусь. Ваш Пал Семеныч, надеюсь, накормит меня? Или он скупердяй?

У нее было охренительное настроение. Сашке хотелось хулиганить и видеть, как ей прощают все ее дерзости.

***

— А почему ваш шеф не послал за мной кабриолет? — капризно щурилась Сашка на улице.

— Так тут же ж рядом. Погода смотрите какая! Благодать! — Артур раскидывал руки, изображая восторг.

— А почему мы входим тут, а не с главного? — спрашивала Сашка, когда тот повел ее в обход, мимо центрального входа со львами.

— Какая разница? Не вход красит человека, а человек вход... Пожалте, Александра Сергевна. Чувствуйте себя как дома.

Он провел ее сквозь анфиладу мраморных комнат, похожих на вокзальные залы ожидания, в самую дальнюю и маленькую из них. (Она была размером с две их квартиры.)

В ней стояли два золоченых кресла. Из них торчали холеные головы в очках.

— Доброе утро, Пал Семеныч! — сказала Сашка. Она немножко оробела.

Головы повернулись к ней и секунд пять изучали сквозь очки, не говоря ни слова. Сашка оробела еще больше.

Одна из голов скорчила мину, которая с трудом поддавалась толкованию.

— Отрадно видеть столь юное и прекрасное создание, не правда ли? — спросила она у другой головы, и та обстоятельно кивнула. — И как печально, что нам придется его огорчить.

— Огорчить?..

— Увы, моя прэлэстница, — Пал Семеныч поднялся с кресла. Он был похож на Никиту Михалкова, только без усов. — Не буду томить вас лишними подробностями... и сразу, без обиняков перейду к сути. Ваш отец, замечательный, прекраснейший Сергей Константиныч, добрейшей души человек... Увы, он попал в беду.

— Что случилось? — прохрипела Сашка.

— Он в тюрьме. И по всему видать — дело серьезное. Предупреждал я его!..

Сашка почувствовала, как под ногами плывет пол.

— А... как это? Почему? В чем его обвиняют? Надо... надо что-то делать. Где он? — почти крикнула она.

— Не стоит кричать, красавица. Я же русским языком сказал: в тюрь-ме.

— А... — Сашка вдруг рванула к выходу, затем так же внезапно застыла. — Вы... разве не поможете мне?

— Помочь? Помочь — это можно. Разве можно оставить такую прэлэстницу в беде? Не правда ли, Дмитрий Сергеич?

Вторая голова обстоятельно кивнула.

— А... что мне нужно делать?

— Вот это другой разговор. Вы уже, эммм, взрослый человек, Александра...

Она поспешно кивнула.

—... и знаете, что у нас, взрослых, ничего не делается даром. Как, впрочем, и у детей.

Она снова кивнула, на этот раз не так резво.

— Вам, можно сказать, повезло. Вот Дмитрий Сергеич — очень, очень влиятельный человек. И у него, как и у всех влиятельных людей, есть свои слабости.

Дмитрий Сергеич так же обстоятельно кивнул.

— Вы, наверно, думаете, что он бизнесмен, тксзть, столичный Гобсэк? Нет, моя прекрасная. Он — настоящий художник, эстет от Бога. Дмитрий Сергеич, согласитесь ли вы помочь этой очаровательной девушке, если она немного попозирует вам?

— Безусловно, — подал голос Дмитрий Сергеич.
— По... позировать? — Сашка вопросительно улыбнулась.
Она совсем не была дурочкой и прекрасно понимала, к чему все идет, но какая-то ее часть никак не хотела в это верить.
— Именно.
— Хорошо... Да, конечно, я... Как только вы расскажете, как встретиться с папой, и... Я хоть целые сутки напролет...
— Ну что же вы, сударыня, — Пал Семеныч укоризненно покачал головой. Вместе с ним это сделал и Дмитрий Сергеич. — Разве вы еще не знаете золотое правило взрослых людей?
— Правило?..
— Конечно. «Утром деньги, вечером стулья».
— Вы... хотите, чтобы я прямо сейчас позировала?
Дмитрий Сергеич переглянулся с Пал Семенычем, будто говоря — «а она неглупа».
— Но... понимаете, я очень переживаю за папу и боюсь, что не смогу естественно выглядеть...
— Ооо! Не переживайте: мы поможем вам естественно выглядеть. Мы с Дмитрием Сергеичем ценим только естественность. Естественную красоту. Вы понимаете меня?
— Не... не очень, — сказала Сашка, хоть и все понимала. Она вдруг охрипла.
— Вы никогда не позировали обнаженной, прелесть моя? — спросил Дмитрий Сергеич.
— Попробуйте, вам понравится, — отозвался Пал Семеныч.
Сашка молча стояла. Голову облепил туман, который она изо всех сил выталкивала прочь, пытаясь прокрутить возможные варианты.
Убежать,найти папу через полицию... и потом Пал Семеныч с дружком будут мстить, и папа не выйдет из тюрьмы. Что он взаправду в тюрьме, Сашка не сомневалась: иначе они не посмели бы... «Что ж», — решилась она. В грудь вполз зябкий холодок. — «Наверно, все через это проходят...»
Все, что было дальше, казалось странным сном. Она раздевалась, думая — вот, ну я же делала это на нудистском пляже, и ничего, привыкла. Как будто понимание того, что будет дальше, выключилось.
Оставшись без трусов, она увидела себя в золоченом зеркале, и вдруг остро, пронзительно прочувствовала собственную красоту, — впервые в жизни, будто ей шибанули током в какой-то клочок мозга, и он наконец заработал. Это чувство было головокружительно-горьким, и у Сашки все никак не получалось поверить, что голая сексбомба в зеркале — это она.
— Ай-яй-яй, — укоризненно качнул головой Пал Семеныч. Глаза его блестели сквозь очки, как у кота Базилио. — Разве ты не знаешь, что взрослые женщины бреют себе интимные места? Как маленькая, честное слово, — говорил он, подходя к голой Сашке. — Надо бы побрить.
Сашка пыхтела, сцепив зубы, чтобы не грохнуться в обморок. «А может, так лучше? Потеряю сознание — и не буду знать, что они со мной вытворяли?...»
Пал Семеныч гладил ей бедра, живот и груди холодными холеными руками. Сашка закрыла глаза.
Одни чувства обострились в ней до предела, другие, наоборот, заглохли. Она дала себя усадить в кресло и раздвинуть ноги, выпятив стыдобу — та, казалось, зияла и светилась между ног, как раскаленная. Пал Семеныч вымазал ее холодным кремом и стал брить, лаская другой

рукой Сашкины бедра.
— Тебе нравится, правда?... Ты молчишь, а тело твое говорит — «да... дааа... « Видишь? — он влез в самую середку и стал размазывать по Сашке ее липкие соки. — Ты любишь, когда тебе так делают? Девочка любит ебаться? Любит, когда ее ебут в мокрую сладкую пизду? — шептал он басом.
— Я де... девственница, — прохрипела Сашка. Это прозвучало смешно, но ей было не до смеха. Ей было невыносимо стыдно и... и приятно. Она вдруг поняла то, чего не понимала раньше: как делаются проститутками.
«Это просто очень приятно. Просто Очень Приятно» — думала она, пытаясь подавить густой сладкий восторг, которым вдруг налились все ее нервы, от макушки до пяток.
— Тем лучше. Ты ведь так долго мечтала об этом, да?... Сейчас будет еще приятнее, — Сашка почувствовала, как ее вытерли тканью, и потом пальцы Пал Семеныча принялись что-то творить прямо в самой ее середке. Она напряглась... и в ее тело вдруг вползла вибрация, зябкая и сладкая — такая сладкая, что Сашка не выдержала и застонала.
— Ага, приятно малышечке... Дмитрий Сергеич, посмотри, как нам приятно!
Вибрация пульсировала — входила глубже, туда, где было почти больно, и выходила обратно, к зудящей раковинке. Сашка не выдержала и открыла глаза.
— Правильно: смотри, смотри... — приговаривал Пал Семеныч, орудуя вибратором у нее в вагине. Сашка смотрела на свою непривычно розовую, безволосую промежность, куда нырял алый пластиковый член, на Пал Семеныча и на Дмитрия Сергеича, стоявшего рядом, у самого Сашкиного плеча...
— Какое сокровище, — сказал он, потянувшись к ее Сиськам. Сашке хотелось кричать от удовольствия и бешенства, и она кричала — про себя, подавив крик внутри. А когда он взял в рот ее сосок, и тот заискрил от одуряющих лизаний — тогда Сашка не выдержала и действительно закричала...
— Бу-бу-бу... Бла-бла-бла... — бубнили ее мучители. Сашка не понимала ни слова. Из грудей, которые мял и тискал Дмитрий Сергеич, отдавало в уши, и удовольствие стало невыносимым, как боль.
— Хватит... ну хвааатит... — беспомощно ныла Сашка, хлюпая слезами. — Хва... ваааа... АААААААААА!..
Все чебурахнулось вверх тормашками. Сашка не понимала, что свалилась с кресла и бьется на ковре, раскорячив ноги, а на нее лезет грузное тело. Мир сжался в черную дыру; Сашка вдруг вернулась в начало времен и там взорвалась в Большом Взрыве вместе со всей Вселенной...
Потом вдруг стало больно, и она вернулась на Землю.
Ее трахал Пал Семеныч, красноголовый, как снегирь. Она задыхалась от его ритма и от губ Дмитрия Сергеича, елозящих по ее губам. Пах лопался от здоровенного члена, и Сашке казалось, что она разбухла там, как губка, и вот-вот лопнет.
Потом внутри стало жарко и влажно, и одна красная голова сменила другую, а Сашка даже не заметила этого, потому что превратилась в одно сплошное тело без глаз и ушей, в стыдное, затисканное и затраханное, набухшее пещерным ужасом оплодотворения...
Она не заметила, как в комнату вбежал охранник, а Пал Семеныч заорал на него, а тот что-то говорил ему, и через сколько-то там секунд его оттолкнул какой-то мужик, вошедший без спросу.

— Честь имею, господа гусары. Представьте вашего опричника к награде — он доблестно не пускал меня... Ооо! Вижу, что помешал. Но почему же на полу? Почему не в шелках любовного ложа?..

Дмитрий Сергеич застонал и повалился на Сашку. Пал Семеныч кривился, изображая подобие улыбки.

— Да вот, представляешь, так раздразнила девка — не смог утерпеть. Настоящим дикарем себя почувствовал. Чего и говорить — шлюшка опытная, лучшая в своем роде...

— Из какого, говоришь, борделя красавица? — спросил мужик. Пал Семеныч снова скривился и хотел что-то ответить — но тут с Сашкой что-то произошло, и она вдруг разревелась.

— Опытная, говоришь? — переспросил пришедший.

— Кажется, перебрала малость... Еще бы — столько выпить, — фальшиво улыбался Пал Семеныч.

— Она что, одна пила? А вы сидели и смотрели? И потом прибрали за ней бухло? — говорил тот, подходя к Сашке. Рядом с ней валялся багровый Дмитрий Сергеич, едва успевший заправить липкое хозяйство в штаны. — А кровь откуда? Опытная целочка?... Эй, девонька! Ау! — пришедший наклонился к Сашке, ревущей навзрыд. — Эй! — и вдруг врезал ей с размаху по щеке.

Та замолкла, глядя на него стеклянными глазами, и только вздрагивала, хватая воздух.

— Ай-яй-яй. Побои. Что мы ее шефу скажем? — елейно проскрипел Пал Семеныч.

— Что ее забрал сука Флейтист. Одевайся, красавица, пойдем со мной.

— Я... мой папа в тюрьме... Я бы так никогда... — забормотала Сашка.

— Папа в тюрьме? Это уже интересно. Пойдем, и ты мне все расскажешь. Спиной чую, — развернулся он к Пал Семенычу, — что у вас есть какие-то вопросы ко мне, господа гусары?

***

Вызвав по мобилке шофера, он отвез Сашку домой, и потом зашел с ней в квартиру, чтобы дослушать ее рассказ.

Из Сашки вначале лезли бессвязные ошметки речи, будто она разом забыла половину слов; а потом вдруг прорвало, и она вывалила Флейтисту всю историю, густо перемешав ее слезами и оправданиями — «я ни разу... я бы никогда...»

Флейтист слушал в сторонке, не прикасаясь к Сашке.С такой доцей, как ты, в бизнесе делать нечего... — Почему?

— Это на тебя стресс влияет, или ты в самом деле дурочка? Или прикидываешься?

Сашка отвернулась.

— Может, я и дурочка, — сказала она. — Но я не прикидываюсь. Я понимаю, о чем вы говорите, но... я не верю. До сих пор не могу поверить, что я такая. Понимаете, я... я никогда о себе не думала ТАК.

— А чего тут верить? В зеркало себя видела? — усмехнулся Флейтист. — Пойми: рано или поздно дети вырастают из памперсов. Одни твои, извиняюсь, буфера заткнут за пояс весь город, и еще место для пригорода останется. Многим этого уже вполне хватит... Так-то вот, Александра...

Флейтист замолчал.

Видно было, что он хотел сказать что-то еще, но колебался, стоит ли это говорить. Сашка тоже молчала, красная до корней волос.

— Вот... А то, что Груздь с Бурдачом... Не бери в голову. Ты хотела, как лучше. Девичья честь — невелика потеря. Без нее удобнее будет, когда... Ну, в общем, разболтался я, — Флейтист встал. — Поешь, поспи и встречай папу. Ну...

Сашка тоже встала.

Они стояли друг против друга — впервые так близко, почти нос к носу.

— Спасибо вам, — сказала она.

— На здоровье.

Сашка потянулась к нему — едва заметным движением не тела даже, а скорей взгляда или дыхания, — но Флейтист заметил и остановил ее, взяв за плечи:

— Александра! Не надо. Ты... ты думаешь, я не такой? Все мы такие. Я... знаешь, сколько творил то же самое, ну или почти?... Я точно такой же... Это ты — не такая. Ты не видишь себя со стороны.

Сашка вдруг поняла, что от него пахнет спиртным. Но это почему-то не вызвало у нее отвращения.

—... Я шел по улице, увидел тебя, и меня как ударило, понимаешь? Пожалуйста, останься такой, не испорти себя. Я знаю, чего ты сейчас хочешь, но... не надо. Ты не такая, тебе нельзя так. Я сейчас уйду, и ты больше никогда меня не увидишь. Никогда, слышишь ты, Александра?..

Он тряс ее за плечи. Потом вдруг перестал.

Сашка смотрела на него... и вдруг потянулась к нему и поцеловала, по-детски вытянув губы трубочкой.

Флейтист дернулся, как от тока. Потом судорожно обхватил ее...

... Дикий, бешеный поцелуй рос, как снежный ком: они кусались, будто хотели выжрать друг другу лица, и руки Флейтиста месили Сашкино тело под тряпками, натянутыми кое-как. Потом он стянул с ее бедер джинсы и трусы, перепачканные кровью, и сунул руку Сашке между ног.

Сашкины глаза расширились, как у куклы: Флейтист жадно целовал ее, одновременно надев снизу на свою руку, просунутую под всей промежностью, от лобка до ануса. Он двигал рукой, и оглушенная Сашка ездила по ней всем своим хлюпающим нутром, а он продолжал целовать ее, сокрушая языком все барьеры в обожженном рту.

Сашкин стон очень скоро перешел в вопль, и Флейтист целовал, целовал, целовал ее, пока она билась на его руке. В ее теле оставалось много, много неутоленного желания, и оно все никак не желало перегорать в ней...

... Она очнулась на полу.

Между ног все болело, как перед месячными. Флейтиста в доме не было.

***

Так началась новая Сашкина жизнь.

Она была чудовищной, эта жизнь. И она совершенно не походила на прежнюю.

Прежняя была «просто так»: Сашка жила, как живется, и радовалась тому, как это у нее выходит. Новая была Жизнью Имени Него. Только Он придавал ей ценность, только желание найти Его и встретиться с Ним поддерживало Сашку на плаву. Все прочее не имело смысла.

Она даже не знала, как его зовут. О «Флейтисте» встречались боязливые упоминания в сети, и ни одно из них не было следом. Открыто расспрашивать папу она не могла, ибо держала свое обещание, сколько было сил. Их, правда, становилось все меньше, и папа уже выпытывал

у нее, почему она так интересуется Флейтистом.
— Ну, он же вытащил тебя из тюрьмы, — говорила Сашка. — Наверно, он не такой, как все они. Благородный.
— Ты где это слово вычитала? У Достоевского? — кривился папа. — Я тебе откровенно скажу: не знаю, почему он вздумал помогать мне, но... если он чем и отличается от других, эээ, авторитетов нашего города — то только тем, что у него больше бабок. И, соответственно, на личном счету больше подлостей, коими он их заработал.
— Ну почему подлостей? — не унималась Сашка. — Что, разве нельзя зарабатывать деньги честным путем? Ты вот тоже зарабатываешь — так что, и у тебя подлости?..
Но отец кривил губы и переводил тему.
Все его знакомцы (благо, кроме Груздя с Бурдачом, были и другие) в ответ на осторожные, как считала Настя, расспросы вдруг делались немыми и глупыми. Только у одного из них, Виталия Иннокентьевича Полудумова, после пьянки развязался язык, и он, интимно приобняв Сашку за плечи (ради дела она решила потерпеть), поведал ей, что Флейтист — самая гнидская гнида и самая сучья сука во всем городе.
Перед Сашкой, обалдевшей от перегара, развертывалась панорама подлостей и преступлений Флейтиста, главным из которых было то, что он еврей. Это придавало рассказу известную цену, но в Сашке все равно елозил скверный червячок.
При попытках узнать имя и адрес Флейтиста Полудумов трезвел и громоздко шутил. Все было насмарку.
Сашке было хреново, как никогда. В один и тот же день с ней произошли самое ужасное и самое прекрасное события в ее жизни, и она никому, никому не могла об этом рассказать. Она плюнула на учебу, на свой вид и вообще на все на свете. Она часами бродила по городу, вымокая под октябрьскими дождями, и хамила ухажерам, которые липли к ней везде, даже в набитых маршрутках. Она начала курить и, хоть ей жутко не нравилось, упорно приучала себя к куреву, злорадно думая о том, как портит себя.
Однажды, когда Сашка увидела большую дырищу на колготине и поймала себя на мысли — «а, и так сойдет» — она вдруг поняла:
ТАК БОЛЬШЕ НЕЛЬЗЯ
Выкинув начатую пачку, она устроила ревизию всем своим шмоткам, смешанным в винегрет. Депрессии пришел конец: нужно было не страдать, а действовать.
Через пару дней у нее был готов план.
Это был безумный план, и Сашке было жутко, но она старалась не зацикливаться на этом, чтобы не передумать.
Как нередко бывает с безумными планами, он сработал. И не как-нибудь, а тоже безумно.
***
Он был прост, как апельсин: Сашка внахалку приперлась к Груздищеву и заявила:
— Приветики. Вас желает видеть Флейтист. Немедленно.
Бурденко был тут же. Они с Груздем так уставились на Сашку, что вся ее решительность вдруг растеклась по телу, как кисель.
— Какие гости! — сладко и фальшиво запел Груздь. — Девочка снова возжелала чувственных наслаждений?
— Не получится, — сказала Сашка. Отчаянье добавило ей наглости.
— Что не получится, радость моя?

— Лапшу на уши вешать. Мое дело сказать, а вы можете торчать здесь и нести свою хуйню, если хотите проблем.
Груздь переглянулся с Бурдачом.
— Чего он сам не позвонил? Чего тебя прислал?
— Обстановка такая, — сказала Сашка наобум.
Видно, ее «наобум» попал в какую-то неизвестную ей цель: бандиты (это ведь были они, чего уж там) — бандиты снова переглянулись, и Бурдач кивнул:
— Ясно. И нас хочет туда приплести, ссука. Пошлем его нахуй, а?
— Подожди. Он где? Еще в офисе? — спросил Груздь у Сашки.
— А то где же, — улыбалась та.
— И как там?
— Пока тихо.
Ее выстрелы вслепую попадали в какие-то невидимые ей цели. Груздь опять переглянулся с Бурдачом и вздохнул:
— А чего тебя-то послал?
— Время идет, — сказала Сашка. — Намек понят?
И снова она попала куда-то, не целясь. Бандиты встали.
— А чего хочет-то? — спросил Бурдач.
— Сам знаешь, чего хочет, ссука, — отозвался Груздь вместо Сашки.
Они прошли к машинам.
— Сядешь в эту, — с ненавистью сказал ей Груздь. Она села меж двух амбалов, бандиты нырнули в другую машину — и они поехали.
В груди у Сашки выстукивались бешеные африканские ритмы: вот сейчас, сейчас, сейчас, сейчас... Что она скажет про Бурдача с Груздем, и вообще — что она скажет Флейтисту, когда увидит его — это было неважно, и она об этом не думала, чтобы в сердце не впивалось еще больше иголок, и чтобы оно не лопнуло прежде времени... Машина остановилась у здания, которое Сашка видела миллион раз. «Неужели здесь?»
Выйдя из машины, Груздь с Бурдачом стали осматриваться. Сашка тоже огляделась: обычные улицы, обычные дома. Думают, что ли, что им засаду тут приготовили?
Она нервно хихикнула.
— Ржет, сучка, — процедил Бурдач. Бандиты направились ко входу, и Сашка побежала за ними.
Охрана пропустила их впятером (Груздя с Бурдачом, двух амбалов и Сашку) без вопросов, но косилась на них, как на пришельцев.
— У себя? — спросил Груздь. Охранник кивнул.
Сашка начала чувствовать, что все вокруг застыло в каком-то напряжении, хоть и не было понятно, почему. Они проехали в лифте на какой-то там этаж (она не запомнила), вышли в коридор, подошли к кабинету...
Иголки готовы были изорвать Сашку в клочья, и она держалась на каком-то последнем взводе пружины.
— Здравствуй, дорогой. По твоему приказанию явились, ткзть, — сказал Груздь. Улыбка на его лице была такой фальшивой, что получилось не сладко, а кисло.
В кабинете сидел Флейтист. Сашка готова была орать и лезть на стенку... но он поднял глаза, сфотографировал ими бандитов, Амбалов и Сашку (глядя на нее, только чуть-чуть приподнял

бровь) и сказал, не меняя выражения лица:
— Здравствуйте, господа гусары. Заходите. Охрану долой.
— Ты же знаешь: деловые люди так не... — начал улыбающийся Груздь, но тот перебил его:
— Охрану долой. Александра, заходи. Иди сюда, ко мне.
Сашка, не чуя под собой ни ног, ни пола, подошла (точнее, подковыляла) к столу, за которым сидел Флейтист. Живой. Настоящий. Бледный и острый, как наточенный нож. Сашка вдруг почувствовала, что напряжение, которое она ощутила внизу, исходило из этого неподвижного лица.
Флейтист показал ей на стул рядом с собой, и она неуклюже села, едва не опрокинув все на столе.
Амбалов в кабинете уже не было — только он, Сашка и двое бандитов.
— Вы очень кстати, господа гусары, — сказал он, нажав кнопку.
— Что ты задумал? — Бурдач нервно выскочил вперед. — Ты же все прекрасно знаешь. Кроме того, все оцеплено, и ты...
— И я в центре оцепления. Как паук в центре паутины... Составьте компанию этим господам, — сказал он двум амбалам, заглянувшим в кабинет (другим, не тем, с которыми Сашка приехала). — Пусть десять минут отдохнут в коридоре, а потом обратно в кабинет.
— Есть, — амбалы подтолкнули Бурдача с Груздем, и те, ругаясь, вышли прочь.
Флейтист повернулся к Сашке. Лицо его было по-прежнему неподвижно.
Сашка хватанула ртом воздух.
— Твоя работа, да? Это ты таким образом меня нашла?
Сашка почувствовала, что безнадежно краснеет.
— Вовремя, ничего не скажешь. Но гусары мне пригодятся... О. Вот оно!
На секунду он умолк. Тишина в кабинете вдруг сделалась продолжением его острого, как нож, взгляда, — и в этой тишине Сашка разобрала выкрики и щелчки.
— Стреляют, герои. Ничего, у нас есть пару минут. Быстро сюда!
Он подбежал к шкафу, открыл его, нажал что-то в стене...
— Сюда, говорю!
Сашка вошла за ним в шкаф. Внутренняя его сторона была дверью, раскрытой в сырую шахту с вертикальной лестницей.
— Не вздумай прыгать, тут четыре этажа.
Он влез в шахту, Сашка — за ним. Руки плохо слушались ее, не желая держаться за скобы так крепко, как требовали нервы.
Флейтист опять что-то нажал, и дверь в шкаф закрылась.
Шахта освещалась тусклыми лампами. Где-то за бетонной стеной слышались непонятные звуки.
— Что это? — спросила Сашка.
— ФСБ меня берет, — отозвался снизу Флейтист. — Они же не могут без спектакля... Вот ты мне кстати актеров подбросила. Войдут в мой кабинет, а там — господа гусары. Вместо меня... Дооолго потом будут объяснять, что и как.
Сашка понимала все и ничего. Но, кажется, ей случайно удалось отомстить своим насильникам. Эта мысль выдавила из нее очередной нервный смешок.
— Тихо! Без истерик, — сказал Флейтист. — И не стань мне на голову...
Он помог ей слезть с лестницы, обхватив за талию («ииииии!» — пищал кто-то в Сашке),

снова нажал невидимую кнопку в стене...
Они были в подземном гараже.
— Сюда! — пригласил Флейтист Сашку, усевшись в машину. — На заднее!..
Машина проехала по полутемному гаражу, длинному, как туннель, и уперлась в люк, преградивший подъем.
— Сиди там, — Флейтист вышел из машины и коснулся стены. Створки люка раскрылись. Флейтист сел обратно и медленно выехал наружу. Глаза у Сашки лезли уже не на лоб, а на самую макушку: вокруг были какие-то грязные стены, уставленные рухлядью.
— А здесь уже не кнопки, здесь ручками, — Флейтист снова вышел и открыл ворота сарая, обычные, ржавые, как на дачных гаражах.
Это и был дачный гараж. Они медленно проехали мимо хаты, выехали со двора на улицу (Флейтисту снова пришлось выйти и открыть ворота)...
— Когда-то я купил у деда этот двор за деньги, от которых его чуть инфаркт не хватил, — сказал он, ведя машину по грунтовке. — Дед остался жить в хате, а я сделал эту лазейку... Ну, держись. У нас всего десять минут, и то в лучшем случае.
Они вырулили на шоссе, и Флейтист поддал газу. Сашку вдавило в сиденье, как космонавта.
— Огоооо! — жалобно пискнула она. — А куда мы едем?
— Слушай внимательно, — чеканил ей Флейтист. — Ты ведь не хочешь, чтобы из-за тебя у меня были большие проблемы? Скажем, чтобы я из-за тебя сел лет на тридцать? Правильно, не хочешь. Поэтому ты сейчас сделаешь, как я скажу. Я валю из страны, Александра. Если повезет, через полчаса я уже буду за бугром. Сейчас мы остановимся на полсекунды — повторяю, НА ПОЛСЕКУНДЫ — у кемпинга «Алаверды». Ты там выйдешь и доберешься домой, как знаешь. Дома никому...
— Нет, — сказала Сашка.
Внутренности жгло огнем.
— Что значит «нет»?
— Я с вами.
— Александра!!! — заорал Флейтист. Машина притормозила и стала у обочины. — Вылезай. Вылезай, мать твою!
— Нееет!
— Вылезаааай! — он пытался выковырять ее из машины, но Сашка уперлась руками-ногами и засела крепко, как пробка. — Еб тебя нахуй, ты что, не понимаешь, что я погорю из-за тебя? Поймают тебя у аэродрома — не будет жизни ни тебе, ни отцу! Да еб нахуй, блядь!..
Сашка ревела, как писюха. Но упрямый бес распер ее и не отпускал. Это было чересчур: потерять Его сразу, как только она Его чудом нашла...
Флейтист выругался так, что она даже реветь перестала от удивления, и сел в машину. Они стартанули втрое круче прежнего, и Сашка взвизгнула.
— Выключи мобилки. Никаких звонков, — приказал тот. Сашка послушалась, еще ничего не понимая.
Машина нырнула в поворот. На них стремительно неслись громады аэропорта. Флейтист свернул в какой-то боковой закоулок, и они еще бесконечно долго, как казалось Сашке, ехали вдоль каких-то строений, до которых никогда не доходят обычные пассажиры.
Наконец машина остановилась.
— Прощай, Александра! — он рывком выволок ее (она даже не успела упереться) и влажно

поцеловал в губы. Из бедной Сашки снова попер рев. Флейтист уже шагал быстрым шагом к воротам.

Сцепив зубы, Сашка ринулась за ним.

Из ворот вышли люди в форме. Флейтист оглянулся на всхлипывающую Сашку, секунду помедлил — и схватил ее за руку.

— Все готово? — спросил он у людей.

— Да. Прошу.

Их привели к самолету — маленькому, как игрушка, Сашка такие только в кино видела.

— Вы вдвоем? — спросил один из людей в форме.

— Да, — кивнул Флейтист, и у Сашки заскребло в горле. Все вдруг поплыло, и она чуть не свалилась с трапа — спасибо, Флейтист подхватил.

— Только еще в обморок брякнись у меня, — прошипел он, шагнув в кабину пилота. Сашка упала на сиденье и не могла встать.

Самолет поехал по летному полю. Флейтист вошел обратно в салон (внутри самолет оказался гораздо больше, чем Сашке показалось снаружи).

— Как наберем высоту — не беспокоить полтора часа, — крикнул он пилотам и сел к Сашке, обняв ее за плечи.

Она одеревенела, как статуя.

— Ты понимаешь, что ты натворила? — спросил он, помолчав. — Назад пути нет. Сейчас мы летим в Финку, на один маленький и почти необитаемый остров, а оттуда — в одно место, о котором ты узнаешь только, когда мы туда прилетим. Тебя видели со мной, и домой тебе теперь нельзя. И у отца твоего будут проблемы. Сейчас ты снова будешь реветь и кричать «хочу домой, хочу домой», да?

Сашка молчала. Слезы лезли из глаз, но она загоняла их обратно.

— Ты сама выбрала это. И я слишком слаб, чтобы отказаться от тебя.

Он обнял ее крепче и взял в рот ее ухо.

— Ты ведь поэтому со мной, да? — хрипел он ей прямо в мозг. — Да?

— Да, — выдохнула Сашка.

— Тогда тебе нечего терять.

Он слюнявил ее ухо, окутывая Сашку жестокими мурашками. Потом стал целовать ей щеку, висок, распустил ей волосы и зарылся в них, перебирая у корней...

Сашка не дышала и не верила, что все это наяву. Слезы кончились — осталась только дрожь и мурашки, облепившие Сашкино тело снаружи и внутри.

Флейтист потянул с нее футболку. Сашка не сразу поняла, чего от нее хотят, и ему пришлось раздеть ее, как маленькую. За футболкой последовал лифчик.

Мгновение — и стала явью картина, которую Сашка столько раз фантазировала себе: Флейтист, как младенец, висит у нее на груди и сосет, лижет, тянет ее сосок, пронизывая Сашку до позвоночника.

Он игрался ее Сиськами долго и жестоко, смакуя каждый их миллиметр, и в это время самолет взлетал в небо, и Сашка тоже взлетала — отдельно от самолета, и падала с этой жуткой высоты в пропасть, и не могла дышать от тока, бившего ей в соски...

Потом она оказалась без шортов и без трусов. То есть голой. Совсем голой, если не считать кроссовок. И между ее ног снова оказалась рука Флейтиста, трогающая голую Сашку за голые нервы...

— Ты же понимаешь, что теперь все будет иначе, да? — хрипел он. — Я очень зол на тебя, и тебе придется потерпеть.

И Сашка терпела, когда он выставил ее раком в проходе самолета и вначале заставил ее отклячить попку, шлепал по выпяченному веретену и смеялся оттого, что Сашка крутила шею, чтобы узнать, ебет он ее или еще нет… а потом все-таки ебал, глубоко и жестоко ебал, пронзая Сашку до горла, звонко хлопал ее по бедрам и матерился, как бомж, — а Сашка терпела, сцепив зубы… но потом все-таки не вытерпела, потому что все это было

Просто

ОЧЕНЬ

П Р И Я Т Н О…

—… Аааааггр!!! — орала она, когда ее прорвало. Самолет трясся, и Сашка болталась, насаженная на хер Флейтиста, как флаг на древке, и ее пучило блаженной болью, в которой сгорали все ее переживания…

— Ни в одной девчонке не было еще столько спермы, — сказал он ей, когда все кончилось. — Я выкончал в тебя литра два, если не больше. Как ощущения?

Сашка лежала у него на коленях, выпятив свои Сиськи.

Она была чистой, как белый лист бумаги. В ней не было ничего, кроме спермы Флейтиста, обмывшей нутро. Ей было вкусно и легко, как новорожденной.

— Небось пилоты дрочат, как мальчишки, — сказал Флейтист. — Там все слышно.

Сашка подумала, что ей должно быть стыдно — но стыдно не было.

— Почему вас зовут Флейтистом? — спросила она.

— Ты удивишься. Ответ до противности банален.

— Это… какое-то нарицательное?

— Нет. Просто я люблю играть на флейте.

Сашка помолчала.

— Сыграете мне?

— Обязательно. Как только флейта будет рядом. Александра… — он крепко обнял ее. — Ну что мне с тобой делать, а? Ну что? Вот выебал тебя, как шлюху… самому стыдно. Ты хоть кайф поймала? Впрочем, знаю, что поймала, не первый день живу на свете. Ты сильно в меня влюбилась, да?

— Да, — говорила Сашка, не чувствуя никакой неловкости.

— Вот и хорошо. Потому что у меня все хреново, Александра. Дай Бог живым остаться. Хоть тебя мне послали… Компенсация, что ли? Ты знаешь, что тебя из-за меня прикончить могут?..

Он обнял ее еще крепче и ткнулся ей в ухо.

Сашка млела, прислушиваясь к путешествиям его языка по ее ушным складкам, смотрела на облака и не думала ни о чем.

Потом думала о папе, но без раскаяния. Почему-то она знала, что он поймет.

Потом снова ни о чем.

Ей было чисто и легко, как еще не было никогда и, может быть, больше не будет